

Марина Зудина:

Мне не интересны «правильные» героини

Интервью - 2001 - 14 июня - 910

Марина Зудина репетирует главную роль в «Антигоне», которую ставит на сцене МХАТа Тему́р Чхеидзе. Ныне рабочий день актрисы — а таких семь в неделю — выглядит так: утром репетиция во МХАТе, вечером спектакль в родной «Табакерке». А дома маленький Павлик Табаков категорически не засыпает, пока родители не вернутся домой.

— Марина, Антигона — ваша первая роль во МХАТе. Довольны?

— Пока рано говорить — ведь спектакля еще нет. Но тому, что Тему́р Нодарович (Чхеидзе. — Ю.К.) мне эту роль дал, конечно, рада. Из-под воздействия «Антигоны» очень трудно вырваться, как только прочитаешь пьесу. Сейчас мне невозможно переключиться на что-то другое, я все время думаю об этой странной героине. В наше довольно рационалистичное время важно не забывать, что нужно жить не только разумом, но и чувствами. Мне всегда были более интересны героини «неправильные», неблагоприятные — с обнаженными болевими точками. И при этом — не бездействующие. Такая, мне кажется, Антигона.

— В будущей «Антигоне» смешанный — международный — актерский состав. Это создает дополнительные трудности?

— Вообще мы в «Табакерке» привыкли к тому, что Олег Павлович (Табаков. — Ю.К.) практикует приглашение актеров со стороны. Да и наши актеры теперь нередко играют во МХАТе. То, что во мховской «Антигоне» я играю с коллегами из «Табакерки», создает комфорт. А мховских актеров, занятых в «Антигоне», я уже тоже знаю — кого-то по «Табакерке», кого-то по кино. Что же касается исполнителя роли Креонта — Огара Мегвинетухуцеси, то его «отдельность», особенность великолепна. Он из другого театра, из другого государства, он совсем другой. Он царственен. Зачастую партнер такого уровня выводит на незапланированные актерские «повороты». Эмоции, импульсы возникают от общения, от воздействия энергетики.

— Вы упомянули о том, что все больше актеров «Табакерки» подключаются к работе во МХАТе. Не таится ли в этом

ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

скрытом переходе явная опасность исчезновения самой «Табакерки»?

— Надеюсь, нет. Во всяком случае, за прошедший год таких симптомов не появилось. Мы уже составляем очень плотный репертуар нашего театра («Табакерки». — Ю.К.) на будущий год. Наши отношения в театре ни с чем не сравнимы, они формировались годами. Думаю, что они — залог долгожительства нашего театра. Нам хочется играть друг с другом в нашем маленьком подвале. Но в общем-то дело ведь не в сцене, а в коллективе. Нельзя сказать, что «Табакерка» перетекает во МХАТ — есть и встречное движение. Кстати, Олег Павлович в следующем сезоне хочет поставить «Дачников», и уже очевидно, что только своими силами наш театр не обойдется.

— Вы говорили о театре-доме. Это понятие сейчас воспринимается едва ли не как архаизм, все больше уступая место антрепризе...

— То, что сохраняются репертуарные театры, — здорово. Репертуарный театр — это плодородная, неисчерпаемая почва, которая питает русское театраль-

ное пространство. И не правда, что так считают только артисты старшего поколения. Я хочу работать в театре-доме. Такой дом — наша «Табакерка». Антреприза — неизбежность, поддерживающая актера материально. Режиссеру, не работающему в стационарном театре, антреприза сегодня интересна благодаря возможности подобрать актерский ансамбль. Иногда, кстати, получаются достойные спектакли. Например, это удается Олегу Меньшикову. Но увы, часто антреприза опускается до броской пошлости. И тем отраднее затем для актеров вернуться в настоящий театр.

— Олег Табаков остался для вас учителем?

— Конечно, он для всех нас учитель. Мое отношение к Олегу Павловичу сформировалось, когда я была студенткой, он и тогда был моим кумиром. Все, что сложилось потом, — производная. Я способна со стороны объективно оценить, КТО. Иногда, правда, забываю, но тут же себе говорю: «Марина, стоп!» (Смеется.)

— Трудно быть рядом с учителем на сцене и вне ее?

— И да, и нет. Я чувствую защищенность. Я понимаю, что могу спросить Табакова, если что-то не удастся в спектакле, и он подскажет. Я и мои коллеги выросли у Табакова, и смотрит он на нас не столь потребительски, как другие режиссеры. Он знает наши возможности и знает способы, как ту или иную индивидуальность развернуть. Вы спросили о том, как вне сцены? И вне сцены — так же. У нас был сотый спектакль «Сублимация любви», а после него все писали напутствия. Я написала Олегу Павловичу: «Благодарю тебя за способность совершать безрассудные поступки... Назначение меня на роль Паолы в «Сублимации...» было полной неожиданностью для меня: до того я играла другие роли. Эта уверенная в себе, шаржированная «женщина-вамп» — не мой внутренний тип. А Табаков был уверен, что я смогу. Вообще, Олег Павлович дает мне только те роли, где он абсолютно уверен во мне.

— Но, насколько я знаю, в «Табакерке» с ролью Клеопатры Мамаевой в «Мудреце» было не так?

— Действительно, когда наш завлит предложила Олегу Павловичу, чтобы Клеопатру играла я, он отказался. А потом, после «Сублимации любви», я увидела на стенде распределения ролей «Мудреца»: «Мамаева — Зудина, проба». И я завелась! Я не представляла себя Мамаевой. И до сих пор получаю от этой роли огромное удовольствие. Мне кажется даже, что с годами наш «Мудрец» набирает силу.

— Вы назвали роль Мамаевой самой эротичной. Это после «Сублимации...», «Опасных связей» и «Секса. Лжи. Видео». Почему?

— Ни в одной моей роли нет такой чувственности. Чувственность эта — основное, что есть в Мамаевой, все остальное не имеет значения. Страшно тяжело находиться в состоянии непрерывного «дистиллированного желания». Для меня важно, что Мамаева, провинциальная Клеопатра, млеет от этого мальчика, хочет его, такого обаятельного, такого темпераментно-ласкового. (Роль Плумова играет Сергей Безруков. — Ю.К.) Знаете, я так устаю, что в антракте обязательно ем (смеется) — разыгрывается дикий аппетит!

Юлия КАНТОР